

Александр Феодосьевич Бестужев

**О воспитании
общественном**

Александр Феодосьевич Бестужев
О воспитании общественном
Серия «О воспитании», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4617321

Аннотация

«Всякой род правительства имеет свое свойство, свой предмет и свое особенное основание. Его свойство состоит в постановленном законоположении, имеющем целию известный предмет; его предмет есть та точка, к которой оно существенно привлекается; и его основание есть действующая пружина, предмет сей исполняющая. Из сего общего понятия о правительстве ясно означается, что его основание есть часть самая существеннейшая, которую, так сказать, можно назвать его душою, и есть самое начало, приводящее машину в движение, дающее ей жизнь и силу...»

Содержание

Александр Феодосьевич Бестужев

О воспитании общественном

«Законы воспитания, – говорит Монтеский, – суть первые приемлемые впечатления; и поелику они приуготовляют нас к гражданской жизни, то каждое семейство должно быть управляемо по правилам великого семейства, все в себе заключающего». Следственно, необходимо нужно, чтобы во всяком государстве воспитание юношества было согласено и совмещено с природою, с предначертанием и с правилами правительства.

Всякой род правительства имеет свое свойство, свой предмет и свое особенное основание. Его свойство состоит в постановленном законоположении, имеющем целию известный предмет; его предмет есть та точка, к которой оно существенно привлекается; и его основание есть действующая пружина, предмет сей исполняющая. Из сего общего понятия о правительстве ясно означается, что его основание есть часть самая существеннейшая, которую, так сказать, можно назвать его душою, и есть самое начало, приводящее машину в движение, дающее ей жизнь и силу. Из чего непосред-

ственно заключить и постановить за неприменное правило должно, что сие начало, которое учреждает, одушевляет и укрепляет государственное тело, есть причина самая важная, причина, кою учредители воспитания должны более всего заниматься, которая должна сильнейшим образом впечатлеться в разуме каждого члена общества.

Все правления, следуя Монтеスキю, могут подразумеваться под тремя видами, кои суть *республиканское, деспотическое* и *монархическое*. Республиканское – в котором государство управляется многими, где знатные и народ совокупно управляют, как было в Риме и как ныне в Голландии; деспотизм – где государь есть властитель беспредельный, имеющий право на жизнь и смерть своих подданных таким образом, что единая его воля составляет все законы, как в Турции; монархия или единоначалие – где один пользуется властью беспредельною, но управляя по законам постановленным и определенным, как в России, в Гишпании и проч.

Из всех сих правлений монархическое есть, без всякого сомнения, самое лучшее и самое совершенное, менее всех разным неудобствам подверженное; деспотическое есть несправедливое и мучительское; республиканское всегда близко к своему разрушению, где одного честолюбца довольно для опровержения оногo. Римляне служат довольно достаточным к сему примером в лице Юлия Кесаря. И потому остается лучшим монархическое, где государь, наследуя государство, всегда занят сохранением того величества,

какое имело оно у его предшественников; и хотя он имеет власть перемещать законы, но делает сие для того, чтобы, когда оные недостаточны, учинить их лучшими и совершенными, и совсем не для того, чтоб, уничтожая законы, понизить их и, сим воспользуясь, постановить власть беспредельную. Но какое бы правление ни было, надобно признаться, что естьли желать, чтоб оно было прочно и непоколебимо, то необходимо потребно, чтоб оно сообразовалось свойству и духу народа и которое всего бы менее поработано было превратности непостоянства человеческого. Никакое другое не может лучше сообразить все сии преимущества, кроме монархического, где государь есть отец, а подданные его суть дети.

Вот самая необходимая для юношества наука, вот самый существеннейший пункт в системе предполагаемого воспитания! Особливо никому столь не нужно знать постановления государства своего, как юношеству благородному, а паче к военному состоянию определенному, ибо, чувствуя доброту законов, оно тем с большим рвением защищать как их, так и отечество стараться будет.

Читая историю, дух природного любопытства заставляет нас с нетерпеливою стремительностию обратиться на всеобщие происшествия, от которых душа наша погружается в удовольствие и в отвращение, в радость и отчаяние, взирая, как изменения великих государств или свойство и участи начальствующих действователей на позорище мира сего в

нас могут сделать впечатление. Когда рассматриваем, каким образом великие государства восходили до самой высочайшей точки величества своего, как исчезали под собственными своими развалинами, как благоденствовали внутренними учреждениями, как вспомоществовали соседям, их окружающим, как были жертвою междуусобных враждований, повергающих их в бездну злополучий, или, наконец, как стремились они к отъятию прав человечества, следуя вдохновению правительства, под которым они находились, – словом, когда снесем все сии обстоятельства, когда разберем действия и их причины, когда сообразим все пути добродетели и порока, познаем постепенное их на каждого особо влияние и всех вообще на все государственное тело, – тогда уравнение сие откроет нам, что все предприятия, деяния и происшествия в истории, зрению нашему представляющиеся, все многообразные обычаи, постановления, как гражданские, так и духовные, разные системы государственные и касающиеся до нравов, самое состояние государств, их начало, их узаконения, их величество, колеблемость и самое разрушение должно приписать естеству и силе *воспитания*. Оно небольшую Афинскую область возвело на самую удивительную степень величества и славы; оно сохранило удивительную крепость и суровую дисциплину Спарты в продолжение семисот лет и Рим заставило почитать дивом всего света¹. Но

¹ Римляне не имели учрежденного воспитания, но вознаграждалось оно нравами, общим мнением, ведущими воинственный народ ко всем одного усовер-

небрежением воспитания мудрость, добродетель, храбрость и могущество Афин, Спарты и Рима остались известны только по истории.

Сии понятия о правительствах не ясно ли убеждают нас, что сие воспитание производит общественные постановления и что оно есть оных следствие. Оно произращает нравы, учреждает могущество, должную деятельность, благополучие народа; оно соглашает начальствующих с повинующимися, страсти примиряет с законами, веления с природою. Когда народное спокойствие утверждается на благонравии, воспитанием внушаемом, тогда основание его будет прочно и незыблемо; но если воспитание не образует юношества, тогда, без сомнения, развращены нравы, тогда увидите человека, лишенного прав своих, собственность, похищаемую алчною и все поглощающею жадностию и корыстолюбием, бессильного, гордынею подавляемого, и самую невинность, наглостию и силою угнетаемую.

У древних общественное воспитание было одинаковое

шествованиям. Как в престарелых, так и в юношах беспрестанное соревнование одного к другому в приобретении славы, устремление побеждать неприятелей, отличать себя подвигами мужественными и великими, самые малые отличия, но в велико поставляемые, были следствием самых изящнейших добродетелей, благодарства славнейших деяний, добронравия народного характера. Иногда сказанная полководцем похвала, оратором речь, справедливые награждения, чрезвычайная строгость во образе всякого рода жизни, и, что более всего, общие и частные примеры, семейственные наставления заменяли то, что бы общественным учрежденным воспитанием в то время едва ли с лучшим успехом произвести возможно было. Рим был оное воспитание, училище целого римского народа.

для всякого члена общества. Сын воина, генерала, священнослужителя, судии, последнего класса гражданина и начальника народного были воспитываемы, питаемы и одеты одинаким образом. Едва младенец достигал шестого года возраста, как отечество и[с]требовало его от родителей, которые с охотой оному поверяли. В нынешние времена невозможно, чтобы всякий разряд общества воспитываем был одинаким образом. Воспитание может быть повсемственное, но не одинаково, общественное, но не единственно. Довольно, естли крестьянину, ремесленнику и проч., не смешивая их состояний, нравоучение предпишет исполнять постоянно должности, приличные их званию; наставит быть всякого справедливым, научит соглашать пользы свои с пользами другого, вспомоществовать взаимными пособиями, сохранять обоюдную любовь с ближними, отвратит от ненавистности, яко порока, уничтожающего общественное согласие, поелику всякое общество есть взаимное соглашение, которого твердость зависит от частей, оное составляющих. Наставление, самое для людей важнейшее, принимаемое как в частности, так и в общем составе, состоять должно в том, чтобы заставить каждого почувствовать, что разделенными пользами не можно споспешествовать к составлению продолжительного благополучия, что оно есть следствие взаимных содействий каждого и всех вообще на все целое. Следственно, люди хотя не могут получить одинакового воспитания, то по крайней мере можно образовать их вообще и обратить умы

их к известным предметам, дать известную степень одинакости в страстях народа и его направлениях. Нет двух человек, совершенно один с другим сходствующих, смотря как на сложение тела, так и на способности разума; однако находится общее сходство как в поступках, так и во мнениях всех людей вообще. Например, два гишпанца не имеют сходствий между собою, но во всей нации заметишь важность, угрюмость, суеверие, нерадивость к трудам.

В Лакедемоне² воспитание не только что было чрезвычайно, но превращало некоторым образом природу человеческую, возбуждая все ее действия. Спартанец, исключенный из совета 300 членов, восхищается, что отечество его имеет 300 человек более, нежели он, достойных доверенности оною; юноша, распростертый пред жертвенником Дианы, умирает под ударами, не произнося ни единого слова, не показывая ни единого знака скорби и неудовольствия³; молодой человек в предназначенном сражении охотнее соглашается умереть, нежели остаться побежденным; жена приносит жертвоприношения за то, что муж ее предал живот

² *Лакедемон (Спарта)* – древнегреческое государство, где, по преданию, была принята самая суровая система воспитания детей.

³ Все древние писатели с удивлением говорят о сем неудобопонятном терпении, которое спарганские юноши имели во время их бичевания. Сие ежегодно совершалось пред Дианиным жертвенником для того, говорит Ксенофонт, что тот, который преносит мучения сии в продолжение нескольких минут, пользовался должайшее время похвалами и почтением народным. Утверждают, что многие из них умирали под ударами сей пытки, не испущая ни единого вздоха.

своей, спасая отечество; и матери почитают своим благополучием, что сыны их пали на Левктриаиском сражении⁴, в то время как другие оплакивают живых, но побежденными возвратившихся.

Преходя потом от воспитания спартанского к нравам римлян, увидим, сколько сии нравы способствовали в продолжение столь долгого времени врачеванием своим недостаткам законов, постановлениям, богослужению и сколько даже награждали погрешности оных. Видим, с одной стороны, как излишество власти родительской умерялося кротостию ее употребления; зрятся совмещенными свобода разводов и бесчисленность супружеств, в продолжение многих веков беспрестанно совершавшихся, страшное бесчеловечие наказательных законов и отческое сострадание о жизни гражданина, частые беспокойства, но не происходящие никогда возмущения, правила утеснения в системе правительства и непоколебимые основания свободы в деяниях частных граждан, непомерная гордость сената и чрезвычайное воздержание в сенаторах, ненависть народа к сенату и снисхождение сената к распрям народным, омерзение к монархии и удивительная доверенность к беспредельной власти диктатора. Мы видим, как нравы торжествовали над самым даже суеверием. Тщетно нисходит порок под видом почитаемого божества для восприятия между людей своего пристанища: нравы

⁴ Имеется в виду разгром спартанцев войсками греческого полководца Эпаминонда у Левктры (371 до н. э.) и Мадтиней (362 до н. э.).

изгоняют его с негодованием. Видим добродетель, чтимую Лукрециею⁵ в то время, когда торжествуют распутства Юпитера, когда непорочная весталка боготворит бесстыдную Венеру.

Сам опыт показывает слабость законов без нравов. Когда общество развращено, врачевания, прилагаемые распутству народа, учиняются обильным источником пушшего развращения. Ценсура, определенная для назирания над нравами, претворяется тогда в страшную инквизицию⁶, в орудие притеснения и мстительности, посредством коих несколько человек открытым лицом нападают на безопасность общественную. Ценсура сия вместо того, чтоб истребить растление нравов, воздерживает его и распространяет. Возлагает постыдную лихву на общественное развращение, на распутную жизнь, на самые даже преступления. Вместо того чтобы воздерживать души от низкости и измены, они исполняют общество подлыми доносителями, гнусными наемниками, отваживающимися покровительствовать пороку и предавать гонению добродетель, их презирающую. В таком обществе увидишь самую даже веру неисчерпаемым источни-

⁵ *Лукреция* – в римской истории символ благонравной, честной женщины. Лукреция – жена патриция Луция Тарквиния Коллатина. Обесчещенная сыном царя Тарквиния Гордого Секстом, она пронзила себя кинжалом, предварительно заставив брата и отца поклясться отомстить насильнику. Ее поступок, по преданию, вызвал восстание в Риме и послужил причиной низложения императора и установления республики.

⁶ Гишпания.

ком пороков и преступлений. Там святилище бога истины преобразено в торжище, где нечестивый осмеливается покупать очищение грехов своих на счет бедного удела, отъятого им у сирого и вдовицы, мысля сею жертвою приобрести спокойствие невинности и истребить угрызения порока.

Естьли воспитание в Спарте, нравы без воспитания в Риме, иногда общественное научение без воспитания и нравов имели великое преимущество, то каких успехов, каких действий ожидать можно тогда, когда все сии совокупленные силы вместе были бы направлены на предмет общественного блага!

Естьли Ликург силою воспитания мог образовать народ, воинственный до безумия, народ, которого ни несчастье, ни сила, ни отважность не колебали; когда воспитание в сей Спарте могло в женщин влиять величие души и удивительную силу воображения, то для чего нельзя возродить в них теми же средствами чувства столь же высокие и великодушные, учиняющие их более полезными своему отечеству, более приятными их супругам и более уважаемыми от чад своих? Когда воспитание противуестественное могло производить над людьми столь сильное могущество, для чего же воспитание, которое, вспоможествуя природе, способствуя к раскрытию оной, не имело таковой же власти?

Естьли добродетель царствовала в Риме в недре гражданского несогласия и посторонней войны, между беспрестанною борьбою высокомерия и вольности, патрициев и наро-

да, сената и трибунов, под законами непостоянными и правлением переменным, где вера без нравоучения и богослужение было развратное, – то не может ли она являться во всем блеске в недрах тишины и спокойствия, в правлении постоянном и благоустроенном, тут, где вера старается возвысить нравы и способствуют спокойствию законов.

Естьли рассудок, толикократно удерживаемый, гонимый, иступлением и силою поправанный, невзирая на толикие препятствия, произвел удивительные перемены в Европе, то чего не можно ожидать от него, когда он ободрен и защищен будет правосудием, когда законоисполнители призовут его на помощь, да придаст он святость их решениям?

Естьли степени просвещения нашего снабдили нас, так сказать, силою преодоления над самою природою и заставили ее действовать по желаниям нашим; естьли могущественная человеческая рука может измерять обширное пространство воздуха, управляет грома, укрощает ветры и воды, растениям и животным дает новые невидимые силы, созидая, так сказать, как в тех, так и в других новые роды, образует новыя влаги; естьли, словом, разум человеку дал столь сильное владычество в физическом, мире, – то для чего же не можно надеяться получить господствования в мире нравственном? Естьли бы направить шествие разума человеческого и отвратить его от тщетных упражнений, обрати его совершенно к предметам, пользы общественные составляющим, то таковое над миром нравственным пренобеждение

соделалось бы причиною неперменности как счастья, так и добродетелей общественных и столько явилось бы преимущественно, что не стали бы более оное почитать невозможным привидением. Общественное воспитание может только произвести все сии пользы!

Так, действительно, воспитание общественное есть единое только средство к восстановлению всего того, что относится к истинному просвещению, к восстановлению в совершенстве всех выгод, всех добродетелей, каковыя общество иметь должно. Там люди познают, в чем состоит сие общество и какие суть его обязательства, чего, в частности, многих воспитаний приобрести не можно. Тут истребится причина общественного расслабления, от несогласия и разделения проистекающая. Привычка от самого детства жить вместе в таких летах, в которых побудительные причины к разделению редки, скоры и удобопреходящи, укрепит общее соединение, приобучит граждан взирать друг на друга как на части одного тела, как на детей одного отца, как на членов одного семейства. Неравенство состояний и имений, поставленных на одной черте, истребит несчастные свои действия, произведет связь, непосредственно всех наровпе поставляющую, и глас могущественный, глас природы, возвещающий и напоминающий человеку беспрестанно об оной, обретет граждан, всегда к тому расположенных. Дети не будут оставлены сему скучному уединению, учиняющему душу их пусту и характер дикообразным; общество их собратий даст за-

благовременно сию нужную силу, в течение жизни их столь необходимую. Приучаясь чувствовать нужду в равных себе, во взаимных забавах, летам их свойственных, они привыкнут быть внимательными и благодарными; и сия беспрестанная мена их усердных друг к другу услуг возродит в душе их нежную любовь к обществу и чувствованию взаимные между людей зависимости. Они научатся подвергать волю свою воле других, быть кроткими, прилежными, чувствительными, благодетельными, ненавидящими упрямство, презиращими исступление гнева и научатся ограничивать пределы естественного побуждения к свободе. Тут соревнование откроет дарования, ибо награждения воздадутся за отличные достоинства, чего в домашнем воспитании никак произвести не можно.

Но сколько общественное воспитание ни должно быть неисключительно для всякого члена общества, но нельзя, однако, не поверять детей воспитанию частному семействам знатным и вместе добродетельным, людям испытанным и честным, где отец относительно чад должен быть владыка, судия, законодатель и в сии ограждения законы уже не вступают. Там отец семейства, быв добрым гражданином, окончив подъятые в пользу отечества своего труды, окруженный младыми леторасльми⁷, естли отдохновение свое полагает в приготовлении на служение государству по себе преемников, с честью и славою заменить его долженствующих; ест-

⁷ Леторасль – юноша.

ли его правила, наставления, а что более пример действуют живо над сердцами его чад; естли он вливает в них свой дух да отечество его приобретает новых сподвижников, во всем ему подобных; естли из сего училища, в котором ничто не убивает духа, не отнимает способностей, не устремляет ко вредным страстям, не теряет времени, посвященного попеременно трудам и учению; из сего училища, говорю, естли явятся юноши здравые, благорассудительные, с совестью и верою соглашенные и в продолжение бдительнаго воспитания предохранены от всех бедствий, с молодостию их сопряженных; когда под надзиранием их родителей слабые силы тела укрепятся, душа, облекшись в велелепие, восприимет величество и человек явится на позорище мира сего знаменитым предметом, внимание всех на себя обращающим; когда сим первым основанием приобретается сильное сложение тела, твердость духа; когда утвержденный в правилах добродетели и чуждый всякой неблагопристойности расположится любовью и искренностию к ближнему и составит приятнейшее для сердца своего упражнение; когда возымеет необманчивое понятие о достоинствах, о счастии, взирая на оные не по титлам и не по богатству, но по их сущности; когда от юности с презрением посмеется превозносящейся гордыне и, не поколеблясь, пребудет во всю свою жизнь в трудах и подвигах чести неутомим, невзирая ни на какие опасности, предприимчив, смел, готов на все отважиться, куда честь, должность, отечество его призывает;

когда, словом сказать, юноша, наученный повиноваться родителям, научится иметь повиновение к начальству и приобретет от союза семейственного, любви братской любовь к союзу гражданскому, любовь к отечеству; когда домашнее согласие родит тишину и согласие общественное; наконец, когда все жертвы, творимые в пользу дома, посвятит общей пользе своих сограждан – тогда, без всякого сомнения, полагаться можно на воспитание частное; но, по многообразным и сказанным уже обстоятельствам, таковые бывают редки, и потому нужно для соблюдения единообразия наставлений оставлять малейшую часть граждан воспитанию семейственному или частному.

Таким образом, проходя все виды частного и общественного воспитания, разумея все вообще состояния, обратимся теперь к воспитанию благородного юношества, а особливо предназначаемого к состоянию военному. Но чтобы порядочно войти в нужные части оно, рассмотрим, что такое есть благородство и какие его в рассуждении государя и общества обязанности.